

ного человека, я не имею в виду природного сеньора, ибо на природного сеньора нам не пристало роптать, тем более затевать против него козни или злоумышлять на его жизнь.

Кто хочет следовать примеру принца Гамлета, должен и словом и делом угождать своему врагу, чтобы его обмануть. Надо хвалить его поступки, всячески показывать ему свое уважение, то есть делать противоположное тому, что носишь в сердце; а ведь это и значит валять дурака и строить из себя сумасшедшего, ибо ты вынужден таиться и целовать руку того, кого желал бы видеть на дне могилы, чтобы никогда больше не повстречаться с ним на земле. Правда, это не совсем вяжется с обязанностями христианина, коему должно быть чуждо желчное озлобление и мстительные чувства.

Итак, искусно играя неисправимого безумца, Гамлет позволял себе при этом весьма многозначительные поступки и говорил такие речи, что человек проницательный мог бы догадаться, что за ними что-то кроется. Так, однажды принц сидел у очага и строгал ножом палки, заостряя их конец на манер кинжального лезвия. Кто-то спросил его с улыбкой, на что ему эти колышки и зачем он их столько настрогал.

– Я готовлю, – отвечал принц, – стальные копья и острые дротики, чтобы отомстить убийцам моего отца. Глупцы, как я уже говорил выше, объясняли себе такие речи потерей разума; но люди умные и обладавшие чутьем заподозрили истину и начали догадываться, что под маской сумасшествия таится великая хитрость, которая может обернуться бедой для их господина. Они говорили королю, что под своим диким и бедным обличьем принц скрывает дальновидный умысел, что он прячет острый ум под притворной личиной, и советовали Фангону во что бы то ни стало сорвать эту маску и вывести принца на чистую воду. И они придумали самое подходящее для этого средство: оставить молодого человека в укромном уголке наедине с красивой женщиной, чтобы она улестила и околдовала его своими ласками. Ведь природа юноши, тем более сытого и здорового, так склонна к плотским радостям, так рьяно упивается всем истинно красивым, что тягу эту нельзя превозмочь или даже ослабить ни хитростью, ни осторожностью, ни подозрением. И потому, по их расчетам, в решительный миг принц поддастся тайному зову любострастна, уступит могуществу плотских вожелдений и выдаст себя.

Было назначено несколько придворных, которым поручили увлечь принца в какое-нибудь уединенное место в лесу и оставить там наедине с выбранной для этого красавицей, дабы ввергнуть в скверну ее поцелуев и объятий. Такие приемы нередко применяются и в наше время, цель их не столько проверить, владеют ли знатные своими чувствами, сколько отнять у них силу, добродетель и разум через этих кровососных пиявок и адских Ламий,⁵²⁴ которых поставляют своим господам их слуги, а лучше сказать – служители разврата. Бедный принц был в большой опасности и непременно попался бы в ловушку, если бы не один дворянин, который еще при жизни Хорввендила воспитывался вместе с Гамлетом; человек этот память о хлебе дружбы предпочел верности всемогущему тирану, желавшему заманить сына в ту же западню, в которой погубил отца. Этот дворянин вошел в число придворных, взявших на себя злое дело, но сделал это не для того, чтобы расставлять принцу силки, а с иной, тайной целью: предупредить его об опасности, ибо видел, что малейший проблеск разума будет для него губителен. Окольными путями он дал понять Гамлету, какая опасность его подстерегает, если он поддастся на ласки и прельстительные ужимки девицы, подосланной отчимом. Принц был весьма неприятно поражен таким открытием и не хотел ему верить, ибо чары красоты сильно на него подействовали. Но девушка сама подтвердила, что тут приготовлена западня, ибо любила Гамлета с детства и была бы весьма опечалена, если бы с ним приключилась беда, хотя горько ей было отказаться от объятий и любви того, кого она любила больше жизни. Таким образом, принц обманул придворных. Девица утверждала, что он к ней и пальцем не прикоснулся, он же говорил обратное, и сумасшествие его стало очевидно для всех, ибо что иное прикажете думать о человеке с таким слабым мозгом, что он не способен понимать происходящее.

Один из приближенных Фангона, подозревавший о коварных замыслах мнимого безумца, твердил королю, что столь тонкий притворщик, способный играть помешанного, не попадет в обычную западню, которую нетрудно заметить; надо измыслить другое средство, более умное и хитрое, подsunуть такую приманку, чтобы юнец не смог удержаться и раскрыл бы себя. И он

⁵²⁴ Ламии – фантастические существа, питающиеся кровью детей (греч. миф.).